

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

10.7256/2070-8955.2013.02.1

ОТ З. ФРЕЙДА К М. КЛЯЙН

Аннотация. Мелани Кляйн (1882-1960) — представитель английского психоанализа. После формирования классического психоанализа Фрейда дальнейшее его развитие пошло сразу по нескольким направлениям. Одно из них — неофрейдизм (Г. Олпорт, Э. Фромм, К. Хорни). Сторонники этого направления упрекали Фрейда в том, что он мало внимания уделял социальным аспектам. В статье делается попытка реконструкции детского поведения согласно открытиям Мелани Кляйн.

Ключевые слова: психология, человек, неофрейдизм, классический психоанализ, культура, мышление, психика, эго-психология, бессознательное, культурная антропология.

Основатель психоанализа в основном имел дело с индивидуальным человеком, пациентом. Поэтому он считал, что открытые им закономерности человеческой психики свойственны всем людям, независимо от того, к которой культуре он принадлежит. К примеру, любой ребенок — австралиец, африканец, португалец или индус — проходит через так называемый любовный треугольник (ниже мы столкнемся с термином «триангуляция») — младенец и его родители. Неофрейдисты же считали, что огромную роль в формировании психического мира человека играют социальные факторы, культура в целом. Им, по сути дела, принадлежит создание социальной психологии, которая стала изучать массово-психологические процессы, происходящие в мире.

В США сильное распространение получила так называемая культурная антропология. В широком смысле слова — комплекс знаний о человеке как творце и носителе культуры. Человек рассматривается здесь как существо биологическое, чья природа трансформирована и определяется культурой. Культурная антропология синтезирует данные естествознания, психологии, философии и гуманитарных наук (истории, этнографии, этнологии, искусствоведения, религиоведения и др.). Специфика культурной антропологии как области научного знания о человеке заключалась в том, что ее интересовали проявленные в культуре человеческие структуры — структура человеческого сознания, психики, мышления, универсального или отдельного народа. При этом к познанию человека в культуре, утверждали культурные антропологи, можно идти разными путями — как через поиск основополагающих человеческих структур к познанию

культуры, так и через культурные формы к мышлению. Так возникли теории, считающие человека лишь более сложным животным — культура тогда предстает как усложненная биологическая жизнь.

Еще одно направление в психоанализе связано с эго-психологией. Фрейд показал, что в структуре личности человека, иначе говоря, его психики, можно выделить три пласта — бессознательное, сознательное и сверхсознательное. Особое внимание Фрейд уделял той психической инстанции, которая называется сознательным или Я. По проблеме понимания Я возникли серьезные расхождения. Эго-психологи считали, что Фрейд мало внимания уделил этой важной части человеческой психики. Он в основном изучал бессознательное или сверхсознательное. О Я как таковом написал меньше. Эта психическая инстанция предстала у З. Фрейда как понятие шаткое. Она могла оказаться жертвой родительского программирования или следствием диктата бессознательного. По мнению американских психоаналитиков, Фрейд недостаточно изучил Я. Поэтому возникло новое направления — эго-психология.

Другое направление сложилось в Англии. Здесь возникла школа Д. Винникота и М. Кляйн. Кляйн вела дискуссию с Анной Фрейд. Анна Фрейд полагала, что в детском психоанализе действуют те же принципы, что и во взрослом. М. Кляйн считала детский психоанализ самостоятельной областью теории и практики. Кляйн подробнее изучала первый год жизни ребенка. И тут обнаружилось, что самочувствие ребёнка в эти месяцы предельно далеко от идиллии. Откровенно говоря, он находится на грани жизни и смерти даже в том случае, когда его физическому здоровью ничего не угрожает.

Более того, именно в первое полугодие закладываются важнейшие структуры человеческой психики, во многом определяются его психическое здоровье и дальнейшая судьба. Это, разумеется, противоречит обыденному наблюдению и даже здравому смыслу. Вот лежит младенец, он улыбается, шевелит ножками и ручками, тянется к окружающим предметам. Откуда, вообще говоря, смертельная опасность?

Ответ прост. Угроза возникает от того, что родителям вообще непонятен психический мир ребенка. Все, что происходит в семье, они оценивают по меркам обыденного смысла, считая младенца маленьким взрослым. Но такое отношение к ребенку чудовищно! Он действительно оказывается в предельно опасной зоне, потому что не находит адекватного ответа на свои запросы. Разве его не кормят, не забавляют, не любят? Конечно, любят. Но не настолько, чтобы развеять главное недоумение, которое рождается в его крохотной душе: зачем мама меня родила, а теперь хочет, чтобы я умер. Он ведь беспомощен, без материнской ласки не выживет.

И вот что происходит. У ребёнка есть три варианта жизненного выживания или, наоборот, капитуляции перед угрозами. Первый — действительная смерть. Если мама хочет, чтобы я умер, у меня нет выхода. Младенец погибает от ощущения своей ненужности, от безнадёги. Вскрытие тела показывает, что он умер не от болезни, не от физиологической причины. Смерть наступила из-за психологического дискомфорта, из-за мучительного стресса.

Но есть и другой вариант. Младенец погружается в депрессию. Он выживает, но на всю жизнь сохраняет некую мазохистскую позицию. Мама хотела, чтобы я умер, но я не смог выполнить ее наказа. Поэтому я живу и постоянно жалуясь, канючу, вякаю. Мир, оказывается, совсем не такой благоустроенный. Приспособиться к нему можно только одним способом — проявить жалость к самому себе. Потом во взрослой жизни это легко обнаружится в строчке М.Ю. Лермонтова: «Уж не жду от жизни нечего я». Или в есенинской печали: «Вечером синим, вечером юным был я когда-то красивым и юным». В предельном варианте мы имеем перед собой мазохиста, который выживает за счет того, что сыплет себе соль на раны...

Оказывается, есть еще один вариант выживания. Ребёнок не умирает, не погружается в депрессию. Он просто свыкается с тем, что в жизни одно с другим не смыкается. Мама то появляется, то исчезает. Материнская грудь то щедро отдает молоко, а то просто жадничает и сохраняет его в себе. Но иногда, правда, бывает сытно и забавно. Хотя, если честно, такая ситуация просто абсурдна. Оказывается, чело-

век — единственное существо на земле, которое может существовать в ситуации абсурда. В последующей жизни он обнаружит, что жизнь не ложится под нас. Она противоречива, полна несогласованностей и разного рода несуразностей. Человек разумен, но часто поступает иррационально. Люди творят новое, но сами же его и разрушают. Человек — удивительное существо. Он все понимает, но поступает наоборот. Это, впрочем, мысль Сократа.

Об абсурде как основе существования мы уже говорили. Особо отметился тут, пожалуй, Альбер Камю. Человек живет, но жизнь его бесцветна, не интересна. «Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме...»¹. Человек, как греческий Сизиф, наказанный богами, обречен на бесконечное повторение одного и того же бессмысленного действия. Тот же Сизиф, только спустившийся с высоты гор и обменявший камень на такое же бессмысленное существование среди людей — это «Посторонний».

«Посторонний», родное дитя чувства абсурда, возмущает еще не пробудившееся общество тем, что начисто лишен нормальных человеческих переживаний и чувств: его не трогает смерть родной матери, он способен на абсурдное убийство и лишен чувства вины и мук совести, его оставляет равнодушным мысль о собственной смерти. Внутренний мир «постороннего» как будто находится в состоянии эмоционального покоя. Он, кажется, чем-то похож на аутиста, пребывающего в завороженном покое.

Мерсо единственный раз выходит из себя, когда его в камере накануне казни посещает священник и заводит разговор о Боге. Эти речи буквально взрывают крепость его холодного равнодушия, и впервые за всю повесть он разряжается полноценным, эмоциональным, полным гнева монологом: «Я был прав, я и сейчас прав, всегда был прав, — лихорадочно выкрикивал он, — все — все равно. Ничто не имеет значения, и я твердо знал, почему... Что мне смерть других, любовь матери, что мне Бог, жизненные пути, которые выбирают, судьба, которой отдают предпочтение, раз мне предназначена одна единственная судьба, мне и еще миллиардам других избранных, всем, кто, как и он, называют себя моими братьями. Другие тоже приговорены к смерти»². Именно здесь, на мой взгляд, обнажается то, откуда, как раковая опухоль, прорастает в мир это новое чувство абсурда. Это место в человеке, которое когда-то за-

¹ Камю А. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 229.

² Камю А. Посторонний. М.: Прометей, 1989. С. 81-82.

нимал Бог и наполнял жизнь смыслом, создавая в ней горизонт бесконечности. Теперь на этом месте осталась зияющая дыра, и это *ничто* стало дырой в основании навеки конечного человеческого существа.

Чувство абсурда неизбежно в мире, лишенном Абсолюта, в мире, покинутом Богом. Если выход и рождение человека из первородного абсурда, из котла галлюцинаций был связан с самоограничением, с наложением запретов, табу, с разграничением дозволенного и недозволенного, пространства сакрального и профанного, а значит с Богом, или, если угодно, созданием человеком бога, богов (тотемы, табу, кто будет отрицать их конститутивную роль для первобытного сознания), то новое впадение в абсурд связано с невозвратимой утратой этих смыслообразующих приобретений. В итоге человек сталкивается с обнажившейся неразумностью мира, с бесчеловечностью человека, бессмысленностью жизни в горизонте неотвратимости смерти³.

Доэдипальный комплекс

Но ведь Фрейд считал, что формирование внутреннего мира человека начинается с эдипального комплекса. Эдипов комплекс всю жизнь был для Фрейда системообразующим ядром — с момента его открытия в 1897 г. и вплоть до самой смерти ученого. Центральным в развитии личности оставался он и для М. Кляйн. Воспользовавшись термином «эдиповская ситуация», она включила туда и сексуальные отношения между родителями — не только осознанные, но и воображаемые, т.е. то, о чем у Фрейда упоминается как о первосцене.

С самого начала своей работы с детьми Кляйн была поражена повсеместностью распространения эдипальной ситуации и уникальностью ее значения. Она считала также, что комплекс обнаруживается гораздо раньше, чем полагает Фрейд. Начинается это в непосредственной связи с частичными объектами — прежде чем развиться в уже хорошо знакомый эдипов комплекс, связанный с восприятием обоих родителей как объектов целостных, т.е. как отдельных от ребенка людей.

Таким образом, с ее точки зрения, начинается это в младенчестве с фантазий о том, что грудь имеет какое-то отношение к пенису, и фантазий о взаимоотношениях, складывающихся между этими двумя частями объектов. Впоследствии под влиянием этих ранних фантазий и возникнут мысли о родителях. М. Кляйн чувствовала, что эта детская установка и ее

связь с получающей дальнейшее развитие ситуацией исполнена глубочайшего смысла и для исследователя (так сама и просится, чтобы занялись ее изучением, за что и была определена у Кляйн как эпистемофилический импульс, и для отношения личности к этой действительности.

Кляйн считала, что в самом раннем детстве происходит знакомство детей с реальностью через ограничения, которые она им навязывает. Отвергая реальность, они тем самым защищаются от нее. Однако фундаментальной основой и критерием всей дальнейшей способности адаптироваться к реальности становится то, насколько терпимо они могут относиться к депривациям, проистекающим из эдиповой ситуации. М. Кляйн описала то, что она назвала депрессивной установкой, — период, который влечет за собой осознанное понимание сущности мира, находящегося вне Я, и в сущности внутренних амбивалентных эмоций, одновременно возникающих по отношению к нему. Иначе говоря, истоки ощущения внешней и внутренней реальности и существующей между ними взаимной зависимости. После того как в общих чертах намечена эта основная идея концепции Кляйн, со все большей очевидностью выяснялось, что способность к осмыслению реальности и установлению с нею отношений самым непосредственным образом зависит от проработки депрессивной установки.

Кляйн постоянно подчеркивала, что эдипов комплекс развивается в тесной взаимной связи с событиями, которые как раз и формируют депрессивную установку. Первоначальное осознание сексуальных взаимоотношений родителей связано с тем, что необходимо расстаться с мыслью о единоличном и постоянном владении матерью, и вызывает глубокое чувство утраты, которое при отсутствии терпимости может выродиться в чувство преследования — в докучное приставание. Более поздняя неожиданная встреча с проявлениями эдипова комплекса влечет за собой еще и осознание того, что отношения между родителями отличаются от отношения между одним из родителей и ребенком: отношения между родителями носят генитально-детородный характер, а между родителем и ребёнком — нет. Это отношение вызывает ощущение утраты и порождает чувство зависти, которое при отсутствии терпимости может трансформироваться в чувство недовольства, обиды или даже самоочернения.

С того времени как Фрейд обнаружил эдипов комплекс, этот феномен считался центральным конфликтом человеческой психики — основным скоплением конфликтующих импульсов, фантазий, тревог и защитных реакций. Неслучайно комплекс стал центром

³ Более подробно см. об этом: Великовский С. В поисках утраченного смысла. М., 2012.

приложения психоаналитической работы. Многие авторы считали, что работы М. Кляйн касались в основном связи младенца с грудью и что фрейдовский эдипов комплекс буквально затерялся среди других положений ее теории. Однако это совсем не так.

М. Кляйн расширила понимание эдипова комплекса, разработав понятие внутреннего мира ребенка, населенного образами, которые возникли на основе его жизненного опыта. На его содержание и функции повлияли разного рода проекции и их искажения. М. Кляйн показала, что в фантазии ребёнка эти образы в сложных сочетаниях друг с другом составляют разные версии. Руководствуясь возможностями клинической истории, она смогла использовать свое понимание природы и взаимоотношений этих внутренних образов.

Развитие нашего понимания процессов проекционного и интроекционного отождествления делает понятным, что некоторые из этих сложностей неизбежны. Частичная или меняющаяся идентификация с одним или другим родителем делает каждого из них носителем качеств, которые проецируются на него ребенком. В соответствии с этим драма часто предполагает сложные перестановки. Роль психоаналитика как раз и состоит в том, чтобы прояснить эти сложности и их конфигурации.

М. Кляйн исследовала способы, когда природа родительской пары искажается проекцией в нее

качеств и фантазий в оборонительных или агрессивных целях. Она также обратила внимание на важность зависти, которая пробуждается всякий раз, когда ребенок познает первичные объекты (родителей), объединяющихся, чтобы доставить друг другу удовольствие. Одним из способов совершения завистливых и ревнивых атак оказывается проекция в эту пару качеств, которые искажают и портят ее. Конечно же, ребенок является также реципиентом проекций родителей, и вариант эдипальной пары, который создается у него, отчасти может стать результатом проекции, которая существует в сознании самой пары.

Одно из самых первых открытий Кляйн состояло в обнаружении ранних форм супер-эго и эдипова комплекса, которые возникали до генитальной стадии, предшествовали генитальному доминированию. Она обнаружила наличие примитивных форм эдипова комплекса. Одновременно она доказала, что пре-генитальность, т.е. пребывание в догенитальной стадии не обязательно означает пре-эдиповость. Кляйн рассматривает отца — реального и фантазийного — важным субъектом с самого начала жизни ребенка. Приступив к работе с детьми, Кляйн с удивлением обнаружила, что дети, еще не достигшие двухлетнего возраста, демонстрируют эдиповы фантазии и имеют интенсивную тревогу, которая ассоциируется с этими фантазиями.